

БОРИС
АКУНИН
(РОМАН-КИНО)

НИЧЕГО СВЯТОГО

ФИЛЬМ
СЕДЬМАЯ

**СМЕРТЬ
НА БРУДЕРШАФТ**

ФИЛЬМ
ВОСЬМАЯ

Смерть на брудершафт

Борис Акунин

«Мария», Мария...

«Abecca Global Inc»

2010

Акунин Б.

«Мария», Мария... / Б. Акунин — «Abessa Global Inc»,
2010 — (Смерть на брудершафт)

Повесть «„Мария“, Мария...» (седьмая фильма) проливает свет на таинственную гибель знаменитого линкора.

Содержание

Время Колуна	6
Встреча в магазине	7
Человек, который смеется	9
На берегах Невы	10
«Морская группа». Секретные сведения	12
Прогулка по пушкинской	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Борис Акунин

«Мария», Мария...

Морская быль

Операторъ г-нъ И. Сакуровъ

Морскіе песни сочиненія тапера г-на Б. Акунина

Время Колуна Сентябрь 1916 года

Рандеву было назначено на половину первого в «Магазине морской книги», что на Адмиралтейском проспекте. По профессиональной привычке Йозеф фон Теофельс принял обычные меры предосторожности. Сначала дважды проехал мимо на двух разных извозчиках. Потом полчаса просидел с газетой в Александровском саду, подле Пржевальского и верблюда, издали наблюдая за входом в магазин и публикой. Ничего подозрительного не заметил.

Как водится, место встречи было выбрано толково. Агентам русской контрразведки затаиться было особенно негде. Разве что внутри.

За десять минут до условленного времени в лавку под видом покупателя вошел один из сотрудников петроградской сети (кличка «Нюхач»). Его дело было проверить все три зала и якобы по ошибке заглянуть в подсобное помещение. Если чисто, выходя на улицу уронить и снова надеть котелок. Что Нюхач и сделал.

Всё в порядке. Можно идти.

Зепп дочитал в «Новом времени» любопытную статейку о всеобщем отрезвлении русского народа в связи с «сухим законом». Не спеша отложил газету, потянулся. Он по-гурмански неторопливо наслаждался предвкушением.

Последние два месяца Теофельс пребывал в так называемой «гибернации», а говоря попросту бил баклуши: служил бухгалтером в судоремонтных мастерских Свеаборгской морской крепости, не представлявшей никакого стратегического интереса. Делать в этой дыре асу шпионажа было решительно нечего. От безделья и тяжелой финской пищи Зепп поправился на пять килограммов.

Специалистам подобного класса в самый разгар войны каникул просто так не дают. Майора явно готовили к какому-то особенно важному заданию, а предварительно хотели подержать в карантине. Или, может, что-то у них там наверху было еще не вполне готово.

У Теофельса – он про себя это знал – имелся один-единственный, но существенный для разведчика недостаток: дефицит терпеливости. Его ртутный темперамент требовал постоянного движения, кровь жаждала пульсации, нервы – стресса, мозг – напряжения. В тяжеловесы глубинного залегания, на которых держится вся стратегическая разведка, он не годился. Ничего не делать целыми годами, просто обзаводясь связями и аккумулируя информацию, он бы не смог – увял бы. Однако начальство хорошо знало, кого и как использовать. Генерал Циммерман, руководивший всем разведывательно-диверсионным направлением, в свободное от службы время, для души, занимался столярным делом, поэтому классифицировал своих агентов своеобразно. Резиденты, предназначенные для стратегических поручений, у него именовались «циркулярными пилами»; мелкие исполнители – «лобзиками»; специалисты по зачистке, в зависимости от тонкости задания, «рубанками» или «наждаками»; «шурупам» поручались операции шантажно-вербовочного профиля; «отверткам» – решение аналитических головоломок. И так далее, и так далее – набор инструментов был заготовлен на все случаи.

Зепп знал, что числится у начальника как Spaltaxt, «колун», но не обижался на столь неромантическую дефиницию своих способностей. Колуном пользуются, чтоб быстро и ровно расколоть жесткое полено. Молнией сверкнет стальное лезвие, хрясь – и чурбан разваливается на две аккуратные половинки.

Срочный вызов из обрыдшего Свеаборга на конспиративную встречу в столицу означал, что ожидание закончилось. Настало время колуна.

Интересненько, что там у них?

Встреча в магазине

– Чем могу служить? – кинулся к Зеппу приказчик.

Вид у свеаборжца нынче был совсем не бухгалтерский. Ради конспирации и для большего соответствия столичности Теофельс по дороге преобразился из захолустного Башмачкина в респектабельного господина (эспаньолка, золотое пенсне, шелковый цилиндр, светлое пальто, британские штиблеты).

– Мне бы, говубчик, в ка'тог'афический отдев, – сказал он барственно-профессорским манером, не выговаривая половину букв.

Сразу было видно солидного покупателя. Может, какое-нибудь светило картографии или даже член Географического общества.

– Извольте. Провожу-с...

В книжной лавке было почти пусто. Лишь несколько морских офицеров и чиновников высматривали что-то на полках или рылись в библиографической картотеке. Магазин был отменный, лучший в России, но, само собой, не для широкой публики.

Нюхач исполнил свою работу добросовестно. Точный взгляд майора сразу определил: ряженных среди посетителей нет. Всё чисто. Можно спокойно дожидаться связного. Если тот приведет за собой хвост, на площади загудит автомобильный клаксон – ситуация предусмотрена. Тогда нужно просто выйти через черный ход: из картографического отдела в маленькую коричневую дверь, потом коридором, два поворота налево-направо, перебежать через двор и подворотнями уйти на Гороховую.

Все стены зала, куда продавец отвел картавого господина, были увешаны картами. На столах лежали огромные планшеты, на полках стояли атласы.

– Есть у вас «Мовской атвас» Эф'она, посъеднее издание?

Зепп знал, что есть. Один экземпляр.

– Всего один экземпляр. Его сейчас, к сожалению, смотрят – вон тот господин.

Это было некстати. Теофельс с неудовольствием поглядел туда, куда подбородком, деликатно, указывал приказчик.

Какой-то человек, повернувшись широкой спиной, листал на пюпитре объемистый фолиант.

Такое совпадение было маловероятно. Это наверняка связной. Однако как он вошел незамеченным? Этого серого диагоналевого пальто и бюргерской шляпы Зепп со своего наблюдательного поста не видел. Впрочем, на то и существуют пароли, чтобы исключать нелепые совпадения.

– Желаете подождать? Или посмотрите что-нибудь другое? – мурлыкал продавец.

– Спвошу, может быть, этот господин вазвешит мне... Бвагодаю, юбезный.

Приказчик поклонился, но не ушел. Желал удостовериться, не возникнет ли какого-нибудь трения между претендентами на единственный экземпляр атласа.

– Вас не беспокоит, есьи я тоже възгяну? Чевез ваше пъecho...

Человек не обернулся.

– Он по-русски не понимает. То ли француз, то ли бельгиец, – пояснил продавец и обратился к диагоналевому пальто. – Миль пардон, се мсье вё вуар осси се ливр. Са ву не деранж па?¹

Тот повернулся и приподнял шляпу, сверкнув моноклем.

– Pas du tout. S'il vous plaît, monsieur².

---

¹ Тысяча извинений, сударь. Господин тоже хочет посмотреть эту книгу. Это вас не беспокоит? (*искаж. фр.*).

² Нисколько. Прошу вас, сударь (*фр.*).

Успокоенный приказчик удалился. Трений не возникло. Оба клиента были люди культурные.

Чтобы прийти в себя, Зеппу понадобилась целая секунда – это много для человека с феноменальной реакцией.

Пароль оказался не нужен.

– Экселенц?!

Господи Боже, генерал-майор Циммерман (заглазное прозвище Монокль), собственной персоной! Увидеть его посреди вражеской столицы было все равно что... Все равно что встретить овечку, мирно разгуливающую среди волчьей стаи. Или волка, щиплющего травку среди овец.

Запутавшись в метафоре, ошеломленный майор пролепетал нечто глуповатое:

– Я не видел, как вы вошли...

– Благодарю. – Начальник выглядел польщенным. – Значит, кое-что еще помню.

– Но... зачем так рисковать?! Я ждал обычного связного!

В штабе, сидя на стуле перед письменным столом Монокля, а то и стоя навытяжку, Теофельс не осмелился бы задавать ему вопросов, но во вражеском тылу огромная дистанция, отделяющая генерала от майора, стала почти неосязаемой.

И ответил экселенц совсем не так, как говорил в Берлине или в ставке, а тоном неофициальным, чуть ли не смущенным:

– Надоело в штабе сидеть. Захотелось размяться. Заодно проинспектировать резидентуру. Я ведь в прошлом такой же «колун», как и вы. Не дай вам боже, Теофельс, сделать большую карьеру...

Он тяжело вздохнул, и Зепп вспомнил, что Циммерман действительно когда-то работал «в поле», причем в краях экзотических вроде Африки и Китая. Даже жаль стало беднягу. Ведь нестарый еще. Конечно, запис в своем штабе.

– А если вас арестуют? Представить страшно.

Монокль фыркнул.

– Во-первых, у меня швейцарский дипломатический паспорт. Во-вторых, ампула в зубе... – Он оглянулся, потому что в зал вошли двое гардемаринов, чему-то звонко смеясь. Перешел с немецкого на французский. – И вообще, это не ваша забота. – Палец в белой перчатке ткнул в карту. – Ваша забота – отправиться вот сюда и выполнить порученное задание.

Кинув взгляд на палец, Зепп спросил:

– В Севастополь? Новое задание имеет отношение к флоту? Поэтому меня и держали в судоремонтных мастерских?

Гардемарины встали перед картой Ледовитого океана, что-то там высматривая и оживленно переговариваясь. Доносились отрывки фраз: «новый Мурманский порт», «конвой», «отряд эсминцев». Вероятно, молодых людей ожидала служба на Севере. Один из них, услышав французскую речь, вскинул руку к бескозырке с тремя белыми кантами:

– Виват Франс! Виват Верден!

Монокль церемонно поклонился:

– Vive la Russie!

Взял собеседника под локоть, повел к выходу.

Человек, который смеется

В обычные зеркала Маша Козельцова никогда не смотрелась – скользнет взглядом и скорей отводит глаза. Дома у нее был туалетный столик с трюмо. Вот перед ним она просиживала подолгу. Глядела при этом почти исключительно в левую створку. Там отражался прекрасный, чистый профиль, в который можно было влюбиться. И Маша представляла, как эти тонкие черты запечатлеваются в сердце скромного, но глубоко чувствующего мужчины. Необязательно красавца, но человека твердого, надежного, который тебя никогда не предаст и ни на кого не променяет.

В среднюю часть трюмо Маша глядела неохотно. В правую вообще не заглядывала. С той стороны всю щеку и половину виска занимало огромное родимое пятно густого винного цвета, Машин крест и безысходная мука. Будто некая глумливая сила взяла и размазала по нежному девичьему лицу навозную лепешку.

День сегодня выдался славный. Теплый, солнечный и в то же время свежий. Со стороны бухты дул пахучий бриз, шевелил локоны. На правах старшей дочери и вообще *несчастной* Маша занимала самую лучшую комнату – в башенке, откуда открывался чудесный вид на крыши и на рейд. Обычно она сидела там, наверху, чувствуя себя узницей заколдованного замка. Но иногда, под настроение, перебиралась на первый этаж, в гостиную, и устраивалась с книжкой на подоконнике.

Вот и сегодня Маша сидела внизу, читала роман Виктора Гюго, повернувшись к улице правильной половиной головы (это у нее происходило само собой, автоматически). Книга была чувствительная – про человека, который смеялся иначе, чем все. Маша была увлечена романом, находила сходство со своей судьбой. Но это не мешало ей краем глаза наблюдать за прохожими.

Читающая у окна девушка в белом платье – зрелище приятное, романтическое. Большинство тех, кто проходил по улице, были мужчинами. В основном молодыми моряками. Ловить на себе их взгляды было славно. Один остановился и долго на нее смотрел. Высокий блондин. Мичман. Нет, поручик береговой артиллерии, углядела Маша на погоне две пушечки. Боковое зрение у нее было исключительной натренированности, а в знаках различия она разбиралась не хуже старого служаки.

– Мадемуазель, – набравшись храбрости, позвал блондин. – Мадемуазель! Не скажете, как пройти на Екатерининскую?

Так она ему и поверила. Служит в Севастополе, а где Екатерининская, не знает.

– Мадемуазель! Я заблудился! Только вы можете меня спасти!

Голос у поручика был звучного тембра, с умеренной волнующей хрипотцой. И сделалось Маше грустно-прегрустно, хоть плачь.

Сцены вроде этой случались нередко. В хорошем расположении духа Маша делала вид, что не слышит. Просто вставала и уходила вглубь комнаты. Если же самоедствовала, хотела себя наказать – ну вот как нынче, – то поворачивала голову.

– Так вас спасти? – спросила она, обратившись к ухажеру анфас.

Он попятился. Споткнулся. Потом повернулся и побежал.

«Вот тебе, вот тебе», – сказала Маша то ли блондину, то ли себе. Широко оскалила зубы в злой улыбке. И захлопнула раму.

На берегах Невы

Они долго шли молча – вдоль площади, затем по набережной. Нужно было еще раз убедиться, что слежки нет. За Теофельсом следовали двое охранников – по обоим тротуарам, отстав на двадцать – тридцать шагов. Монокля оберегали еще тщательней. Зепп насчитал по меньшей мере семерых пеших охранников, две пролетки, автомобиль, да еще по Неве параллельным курсом медленно двигался, урча мощным мотором, прогулочный катер, в котором, несмотря на паршивую погоду, пикничовала какая-то хмурая компания. Случись что, генерала-инспектора вмиг умчали бы хоть по суше, хоть по воде.

Лишь возле Троицкого моста генерал счел возможным начать разговор. Облокотились о парапет, закурили. По реке гулял шальной ветер, то там, то сям выписывая рябью замысловатые вензеля.

– В войне создалась патовая ситуация. Верден и Сомма стоили нам почти миллиона солдат. На востоке австрийцы потерпели поражение, от которого вряд ли оправятся. Противник тоже обескровлен, но время работает на него, а не на нас. Всё сильнее сказывается нехватка ресурсов, прежде всего топлива. Путь, по которому нефть поступает на территорию Рейха, проходит через земли нашего турецкого союзника...

Ровным, лишенным выразительности голосом Монокль говорил вещи, которые Теофельсу и так были известны. Турция с Болгарией ненадежны. Единственной гарантией поставок ближневосточной нефти является контроль над проливами, а флота на Черном море почти не осталось. Крейсер «Меджидие» погиб под Одессой, крейсер «Мессудие» потоплен английской субмариной в Дарданеллах, крейсер «Бреслау» недостаточно силен и недавно чуть не отправился на дно под залпами русского дредноута «Императрица Мария». Единственный еще не битый козырь – линейный крейсер «Гебен», который удалось перекинуть к туркам в самом начале войны. До недавнего времени в тех водах у него не было соперников. Но после того, как русские спустили на воду свой флагман «Императрица Мария», положение переменялось. «Гебен» уступает «Марии» в мощности огня и вынужден бегать, как заяц, пользуясь преимуществом в скорости. При хорошем ходе и искусном маневрировании можно уйти от одного дредноута и даже от двух. Но три линейных корабля загонят зайца в треугольник, из которого не будет спасения. В русском черноморском флоте теперь два однотипных гиганта – «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая», а скоро будет три: со дня на день введут в эксплуатацию «Императора Александра Третьего». По сведениям агентурной разведки, адмирал Колчак готовится уничтожить порт Варна, потом загнать «Гебен» тремя дредноутами в капкан и после этого обрушить огонь своих трехсотпятимиллиметровых орудий на Константинополь. Можно не сомневаться, что Турция немедленно выйдет из войны. Тогда Рейх останется без топлива, а значит...

Генерал не договорил – и так ясно. Хорошо было Наполеону сто лет назад воевать на лошадях, а в двадцатом веке без топлива много не навоюешь. *Нисколько* не навоюешь.

Выждав вежливую паузу, Зепп позволил себе вторгнуться в мрачные думы начальника.

– Вы четырежды упомянули линкор «Императрица Мария»... – осторожно сказал он. – Полагаю, неслучайно. Правильно ли я понял, что это и есть чурбан, для которого вам понадобился колун?

– Да. Нужно уничтожить этот корабль. Или один из двух остальных линкоров. Но желательно все-таки «Марию». Она лучше оснащена и вооружена, у нее самый опытный экипаж. Недаром там держит свой флаг командующий Черноморским флотом.

Майор молчал. Задание получено, но каковы средства для исполнения? Уничтожить стальной гигант размером с пол-Петропавловской крепости – не комара прихлопнуть.

О том же, вероятно, думал и Монокль. Только для сравнения выбрал не крепость, а пришвартованный поодаль трехтрубный крейсер, должно быть, прибывший нести сторожевую вахту в столице.

– Видите вон тот утюжок? Если не ошибаюсь, это крейсер первого ранга «Аврора». Так вот, фрау «Мария» раза в четыре дородней этой греческой богини. Отправить толстуху на дно будет непросто. Но у нас, вы знаете, есть кое-какой опыт по этой части. «Морская группа» уже переправлена на Черное море и начала работу. Она в полном вашем распоряжении. Телеграфируйте, когда станет ясно, кто еще вам понадобится. Обеспечим любую поддержку. Вся агентура будет работать на вас. Однако помните: времени очень мало. Отправляйтесь в Севастополь немедленно. Мы надеемся на вас, Теофельс...

«Морская группа». Секретные сведения

Первоначально это спецподразделение (полное название – «Военно-морская группа технического обеспечения специальных акций») была создана как чрезвычайное средство на случай, если Британия все-таки вступит в грядущую войну на стороне России и Франции.

И сама идея, и ее реализация принадлежали Моноклю.

Уже три века Англия безраздельно господствовала на морях. По суммарной мощи орудий, по количеству линкоров, крейсеров и прочих надводных кораблей за таким противником германскому флоту было не угнаться. Благодаря форсированному выполнению «Плана Тирпица» к 1914 году Kaiserliche Marine³ модернизировался и многократно усилился, но все равно уступал британскому Grand Fleet⁴ почти вдвое.

Поэтому было принято решение действовать иными средствами. Во-первых, заменить войну *на море* войной *внутри моря*, то есть сделать ставку прежде всего на субмарины – их строить было быстрее и дешевле. Во-вторых (это уже непосредственно входило в полномочия разведки), предполагалось в самом начале конфронтации вывести из строя несколько ключевых кораблей противника при помощи диверсий.

«Морская группа» состояла главным образом из инженеров, перед которыми ставилась сугубо техническая задача: найти самую уязвимую точку в каждом из намеченных к уничтожению объектов и изготовить компактные мины, которые идеально соответствовали бы конкретным условиям операции. Операцию разрабатывали специалисты иного профиля – диверсионные ячейки, которые должны были обеспечить доступ на корабли и провести закладку взрывных устройств. Такого рода акция требовала хорошего знания местных условий и разветвленных контактов, поэтому ячеек было столько же, сколько целей. Но «Морская группа» существовала одна на всех.

Таков был стратегический замысел. Однако в жизни редко бывает, чтобы всё шло по плану. Из четырех намеченных ударов первого этапа диверсионной войны три по разным причинам сорвались, причем члены ячеек погибли или были «засвечены». Успех сопутствовал только одной акции. 26 ноября 1914 г. на рейде базы Ширнесс был взорван линкор «Булварк», погибший вместе со всем экипажем. Могучий корабль и 750 жизней в обмен на десяток агентов – вроде бы неплохой результат. Однако командование сочло операцию неперспективной. У Англии было слишком много боевых кораблей – гораздо больше, чем хорошо подготовленных кадров у немецкой разведки. Отдельными диверсиями проблему британского военно-морского превосходства было не решить.

Тогда, ввиду ожидаемого выступления Италии, было решено перефокусировать «Морскую группу» на Средиземноморский театр. Об этом просили австрийские союзники, которым предстояло взять на себя основную тяжесть войны с новым противником.

Итальянский флот не равня британскому. Нейтрализовать его можно было двумя-тремя хорошо рассчитанными операциями.

Год назад в Бриндизи был взорван флагманский корабль эскадры линкоров «Бенедетто Брин». В минувшем августе удалось утопить новейший дредноут «Леонардо да Винчи». Диверсионные ячейки и часть «Морской группы», правда, были впоследствии вычислены вражеской контрразведкой и погибли, зато итальянская морская угроза на Средиземноморье перестала существовать.

---

³ Императорский военно-морской флот (нем.).

⁴ Большой Флот (англ.).

Все эти сведения, почерпнутые из папки, которую Йозеф фон Теофельс изучал в крымском поезде, выглядели вроде бы обнадеживающе: опыт подобных операций существует, есть наработки, имеются подготовленные кадры. Однако была тут и загвоздка. Она вскрылась, когда Зепп углубился в чтение раздела «Русское направление».

Досье, специально приготовленное для майора и содержащее сугубо секретную информацию, было напечатано на очень тонкой бумаге, которая была похожа на папиросную – не только видом, но и одним весьма полезным качеством. Довольно было слегка надорвать краешек, и начиналась химическая реакция, в несколько секунд превращавшая листок, как папиросу, в кучку пепла. Дочитав страничку, Зепп немедленно ее уничтожил. Каждые четверть часа верный Тимо топал ссыпать содержимое пепельницы в уборную (купе было первого класса, двухместное, с собственным туалетом).

Так о загвоздке.

Из папки следовало, что с русским флотом серьезной работы никогда не велось, если не считать обычной агентурной сети еще мирного времени в Кронштадте и Николаеве. Но там люди в основном занимались просто сбором информации, диверсионных ячеек ни на Балтике, ни тем более на Черном море не существовало. Военно-морские силы Российской империи не считались серьезной проблемой, поскольку узость проливов и на северном морском театре, и на южном позволяла без особых забот изолировать вражеские эскадры в их внутренних водах.

Однако в связи с вводом в строй триады мощных дредноутов и ослаблением турецкого союзника всё менялось. Черноморский флот русских превращался в фактор, способный изменить ход войны.

Закончив изучение последнего раздела (то был список агентов-диверсантов, которые могли пригодиться в деле), Зепп завздохал, забарабанил пальцами по столу. Он растревожился: вдруг не справится?

Волнение, впрочем, было приятным.

Прогулка по пушкинской

Любимое время суток у Маши был вечер. Любимое время года – осень и зима. Потому что рано темнеет и можно гулять по улицам. Днем, да еще в солнечный день, она почти никогда не выходила. Разве что в густой вуали или широкополой шляпе, затеняющей лицо.

Трудность состояла в том, что без сопровождающего по вечернему городу разгуливают только женщины определенного сорта. Поэтому пройти по любимым улицам, Пушкинской или Екатерининской, вдоль Графской пристани или по Мичманскому бульвару, Маше доводилось нечасто.

Во-первых, спутник мог быть только военным – они, в отличие от штатских, идут от дамы справа и тем самым обеспечивают прикрытие с правильной стороны.

Во-вторых, Маша не должна была испытывать стеснение перед кавалером за свое уродство.

Людей, которые соответствовали двум этим обязательным условиям, на свете существовало всего двое: папа и Мика Вознесенский.

Сегодня всё сложилось как нельзя лучше. Вечер выдался удачный, безлунный. Папа был на службе, но Мику отпустили на берег, и он сам предложил «произвести небольшой марше-марше», как это называлось во времена их детства. Была у них такая глупая песенка, невеста когда сочиненная маленькими жертвами уроков французского:

Жё по Пушкинской марше
И пердю перчатку,
Жё немножко пошерше,
И опять марше-марше.

С Микой Вознесенским, сыном папиного товарища, они вместе выросли. Вот уж кого Маша нисколько не стеснялась. Да и он ее ужасному пятну не придавал никакого значения, вообще его не замечал.

И вот шла Маша с красавцем-мичманом по Пушкинской (разумеется, правой стороной улицы, чтоб свет фонарей падал слева), и было ей очень-очень хорошо. После того как в начале войны крейсер «Гебен», втихомолку подкравшись, обстрелял город из орудий, в Севастополе соблюдались правила затемнения, но не слишком строго. Огни не горели только на набережных, да полагалось прочно зашторивать обращенные к морю окна. После того, как со стапелей сошли наши дредноуты, «Гебена» в городе бояться перестали.

Только недолго наслаждалась Маша прогулкой. Оказалось, что Мика вывел ее «марше» не просто так. Ему нужно было поделиться огромным событием: он влюбился, сделал предложение и получил согласие. Микину избранницу Маша знала – жеманная петроградская барышня, приехавшая в Крым на осенне-зимний период из-за слабых легких.

– ...Я и не надеялся, честно! Не собирался ничего такого, само выскочило, – горячо рассказывал Мика, не забывая козырять встречным офицерам. – Взял и бухнул: «Боже, как я вас люблю!» А она знаешь что? Закрыла лицо руками и заплакала! Представляешь? Это лучше всяких слов! Господи, Марусенька, я не знаю, что будет, ведь война и всё такое, но я... Я будто пьяный! Неужели мы поженимся? Неужели?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.